

Михаил Дьячков

СЛЕД НА ЗЕМЛІЕ

Рассказы и стихотворения

Колывань
2011

О себе

Родился я 25 октября 1933 года. В школе учился очень мало, так как шла Вторая Мировая война. Окончил всего 1-й и половину 2-го класса. Дальше учиться было некогда, ведь в то суровое время надо было работать. Работал в животноводстве.

В 1951 году окончил 4 класса вечерней школы и заболел бруцеллезом, три года лечился, был инвалидом 2-ой группы, потом вылечился. Продолжал работать, вступил в комсомол, заведовал местной стенгазетой, в которой помещал стихи, в основном на злобу дня, потом и для художественной самодеятельности. Между делом продолжал учиться в школе рабочей молодежи и так в общей сложности окончил 6 классов. С 1960 года член КПСС.

Выйдя на пенсию, к поэзии приступил вплотную. Пишу для себя, для души. Пока был на пенсии, перенес несколько операций. В настоящее время инвалид 1-ой группы 3-ей степени по ОРЗ (общее раковое заболевание). От скуки и безысходности пишу, и буду писать, пока жив.

ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ДО СМЕРТИ

(повествование)

Чувствует ли человек свою смерть? Это загадка. Больной, может, и ожидает. А вот как внешне человек – здоровый, ни на что не жалуется, и вдруг начинает просить прощения у тех людей, которых он обидел.

Много лет назад... Вот живет с виду здоровый человек, выпил стакан водки, вспомнил свою вину тридцатилетней давности. И ты невольно задумываешься, что заставляет человека каяться в своих грехах, в своих поступках? И это не единичный случай, когда человек именно за две недели до смерти производит такие деяния.

У нас в Южино заболел один человек. Человек был по характеру и натуре хороший. Добрый человек во всяком случае. Так считали все жители деревни. Он работал бульдозеристом, на обед ездил на тракторе «С» 100 с бульдозерным ножом. Нож всегда был опущен вниз, а ездил он задним ходом на малой скорости. И после того, как он проезжал, дорога становилась гладкая, ровная, местами даже с блеском. По просьбе любого жителя деревни, что либо подвезти на так называемой пене (это большой лист железный с прицепной дугой, на который можно насыпать шлак, наложить навоз, мусор, мелкие дрова), никогда не отказывал, и на ответ не попросит ни копейки платы за работу. Вот такой был человек, Алексей Яковлевич Князьков.

Но вдруг он заболел тяжелой неизлечимой болезнью – рак крови. И вот был человек-богатырь, да болезнь-злодейка отобрала здоровье и силу. Полежал Алексей Яковлевич в больнице, и выписали его, как безнадежного.

Было это на праздник урожая. В клубе мы приготовили концерт, и вот я, как артист, шел в клуб. А Алексей Яковлевич со своей женой Нюсей сидели на лавочке возле

входа в клуб. И, проходя мимо них, я остановился, чтобы поприветствовать их:

- Здравствуйте!

Алексей, увидя меня, поднялся с лавочки, заулыбался, засветился весь. Светило солнце, и лицо его светилось больше солнца, и так казалось, что не только лицо его светится, а вся его душа. Он подошел ко мне и протянул мне руку, и мы стояли и пожимали друг другу руку не меньше минуты. Алексей был похудевший, но он рад был нашей встрече, как будто мы с ним родные братья, не видевшиеся много-много лет. Меня все это немного смущало и удивляло. А все оказалось куда проще, он-то, может, об этом не думал, а может, и думал. Но только я-то об этом не думал, что он здоровается со мной в последний раз живой. А, может, он за одно и прощался, как со мной, так и со всем белым светом. И по прошествии времени я стал догадываться, отчего людей делили по душам: у кого душа светлая, а у кого – черная. Со светлой душой человек и в мир иной отходит так, что душа у него не чернеет, а так и остается светлой.

Не сидел Алексей Яковлевич и в вечернее время после работы. Дома все надворные помещения перестроил, колодец почистил, да заменил сруб, который он не рубил, а можно сказать выстрогал. Да, любил человек не только прочность, но и аккуратность. Протекал неподалеку от его дома ручей, он захватывал край березовой рощи и деревню делил пополам. Со временем начал он угрожать проезжей части улицы. И Алексей Яковлевич уложил на дорогу трубу, засыпал дорогу, утрамбовал. А чтобы ручей не размывал грунт, вдоль ручья он привез и посадил отводки тополей. Этакie двухметровые колья вкопал глубоко в грунт. А чтобы сохранить кору от порчи животными, он обставил их штакетником да обвязал тонкой проволокой.

Да, видно, у человека действительно добрая душа. Все тополя принялись, пустили корни, зазеленели, выбросили веточки. И тогда Алексей Яковлевич убрал штакетник, а

стволики побелил известью. И стоят тополя растут, стройные да высокие, держат корнями грунт от размыва водой. Уж Алексей Яковлевич давно упокоился, а тополя стоят, как память, как неизгладимый след на земле. Правда, со временем несколько тополей спилили. Кому-то понадобились или помешали, но дюжина еще осталась.

Да, как видно, у нашей матушки-природы, как и на всей планете Земля, нет одинакового ничего. Жил в Южино и другой человек, электросварщик, специалист от Бога, но загубила его водка. Он и в тюрьме сидел из-за нее, и кодировался несколько раз – и снова пил. А как стало сердечко пошаливать, бросил, делом занялся. Кому лопату деревянную сделает для отброски снега – как игрушка, легкая, гладкая, удобная. А кому – топориче, тоже, как на картинке. А как стало его сердце совсем прижимать, толи почувствовал Анатолий кончину, толи во сне что увидал. А только пошел он по всей северной улице, и у каждого просил прощения:

- Простите меня, люди добрые, за мою непутевую жизнь!

А через несколько дней умер он в одиночестве. Похоронили его да и забыли. А он тоже хотел быть человеком, как и все. И тоже хотел, как умел, след свой оставить на земле. Да только трудно одному без поддержки достичь этого.

Жил на краю улицы Чапаева Владимир Калугин. По натуре и характеру человек был не плохой. Любил он не только хозяйственность, но и аккуратность во всем. Иду я как-то по улице, увидел его в ограде, поздоровался с ним. А он:

- Заходи, покурим!

Зашел я и сразу обратил внимание на сложенную поленницу дров. Дрова были так уложены, как каменная кладка. Ни одно полено не выделялось, словно слитые. Похвалил я Володю за умение и аккуратность, а он этак скромно:

- Да, давно я не рукодельничал, вот и получилось.

Поленница высотой полтора метра была у стены ограды, но к стене не прикасалась. А он:

- Пойдем в огород, я тебе теплицу покажу.

Теплица самодельная средних размеров, пять метров на два с половиной. Высота: один метр восемьдесят сантиметров – сработана точно. Не хуже фабричной, только и отличается тем, что каркас деревянный, а пленка уложена так, что не найдешь ни одной складки. А он мне:

- Я пленку не разрезаю, как она есть в два слоя, так и кладу.

- Но Володя, это же вдвое больше.

- Она и служит у меня вдвое дольше. Я ее осенью снимаю, складываю, а весной опять натягиваю. Когда пленка вдвое, между слоями образуется воздушная подушка. В такой теплице и заморозки рассаде не страшны. У кого один слой, весной мороз рассаду прихватил, а у меня цела.

А последней весной срубил он новый сруб для колодца. Сначала он подобрал бревнышки точно по толщине и размеру. Потом распилил их по вдоль, и срубил так, что ни одно бревнышко не выделялось. А внутри – распилил к распилу, как слитые. Все, кто видел его сруб, говорили:

- Вот сруб так сруб, как стаканчик. Из такого колодца и воды попить приятно.

Да вот беда – заболел он вдруг и умер. Похоронили его, а сруб продали. И вспоминают его только родственники. Так вот и уходят, бывает, и хорошие люди в небытие бесследно. А ведь они достойны того, чтобы их помнили, не забывали. Они оставили нам свой опыт, свое умение, как красоту в жизненных перепутьях, которая отражается в памяти нашего времени обычным следом на земле!

МЕД И ЗМЕЯ

(рассказ)

В семидесятых годах двадцатого века в деревне Южино мы семейным подрядом пасли скота частного сектора. Стадо было большое, сто пятнадцать дойных коров и столько же молодняка. Площадь выпаса ограничена. Все более открытые места засеивались зерновыми и кормовыми культурами. А для выпаса оставались перелески да кочковатые берега речки Вьюнки. А по этим бородавкам земли водилось немало мышей и змей-гадюк. Змеи в основном черные, а они более агрессивные. Но и они прежде предупреждают, а вместе с шипением не редко делают выброс головы на препятствие, будь то нога животного или человека. Тут надо быть на чеку. Я их не убивал, не так уж много от них вреда. Смотри под ноги, а если глупую собаку укусит, так собака сама себя лечит. Коня змея не кусает, она запаха его не переносит. А корову можно антибиотиками лечить.

Питается змея мышами, а яд змеиный в фармацевтике незаменимый компонент. Так что, если подумать, то от змеи пользы больше, чем вреда. Если встретится на пути, прогони подальше и все. А вот сын у меня, ему тогда было двенадцать лет, вообще обрел с ними дружбу. Он так ловко их ловил, что ни одна его никогда не кусала. Он тоже их не убивал, а наоборот – жалел и даже играл с ними, и поил молоком. Но однажды, купили мы целое ведро меда для еды – семья-то из семи человек. И с собой брали мед на обед. И вот, однажды, поймал сын очередную змею, и решил угостить ее медом. Отломил кусочек сухого прутика, взял змею с боков головы, она и открыла пасть. И он кончиком прутика давай зацеплять кусочки меда и в рот ей складывать, и так раза четыре подряд. Потом видит, что со змеей что-то неладное и отпустил ее на землю. Боже мой, что с ней было! То она свернется клубком, то завяжется

узлом, то опять развернется, то переворачивается всем телом. Живот у нее стал толще, а цвет кожи изменился, посветлел, потом она надулась и отрыгнула двух полуразложившихся мышей и затихла. Лежит прямо, как палка, вытянулась и не шевелится.

Так мы и ушли, оставив ее одну. А на утро пришли, а змея лежала мертвая. Жалко было погибшую змею, но кто же знал, что четыре крошки меда для нее будут смертельны. Кто же думал, что сладкий мед для змеи окажется ядом. Вот какой парадокс, яд змеи для нас смертелен, а эликсир жизни – мед является ядом для змеи.

Теперь, конечно, время прошло, и мы знаем, что мед не на все случаи жизни для живого мира. А таким, как пресмыкающимся, вообще смертельно противопоказан.

МЕДВЕДЬ

(сказка)

На Руси среди лесов,
Где водилось много сов,
Кроме сов там, говорилось,
Нечисть всякая водилась.

А с краю леса было поле,
И по-русски на приволье
Жили люди на земле
В небольшом одном селе.

Жил в селе и парень Федя
Ростом с доброго медведя.
Парень сильный и большой
С доброй русской душой.

У него была невеста,
Но колдунья Дуня с места
Не давала им сойти,
Все стояла на пути.

Жили там и две сеструшки,
Золотые конапушки,
Без забот, не зная бед,
А было им пятнадцать лет.

Лето снова наступило,
И сестренок поманило
В лес зеленый погулять,
Там грибов пособирать.

Взяли девочки лукошки,
Побежали по дорожке.
Лес был близко от села,
И дорожка в лес вела.

Разошлись они по лесу,
А в лесу-то жили бесы,
Леших было там немало,
Нечисть всякая гуляла.

А уж в самом темном месте
Много было разной бестии.
Филин хохотал и ухал,
И медведь рычал не глухо.

Тут девчонки испугались
И по лесу разбежались,
По кустам густым забились,
Потом вовсе заблудились.

Ходят по лесу, ревут,
Да друг друга все зовут.
Наконец они сошлись
Да под елью улеглись.

Наревелись, сбили ноги.
Тут стемнело, нет дороги,
И сестренки тут уснули,
Как в тумане утонули.

Утром солнышко взошло,
Их лучами облило.
Тут сестренки пробудились,
Обе очень удивились.

Спать ложились под елью,
А проснулись в постели,
И перина на кровати,
От печи идут полати.

А в печи трещат дрова,
Дверь прикрытая едва,

А в окно лучится свет,
На столе накрыт обед.

Очень чистая избушка,
В ней живет одна старушка.
В том лесу одна живет
И хозяйство все ведет.

Две коровы, три телушки,
Во хлеву живут две чушки,
Семь овец стоят у хаты,
Да один баран рогатый.

На цепи огромный пес,
В стойле лошадь ест овес.
В огороде лук, капуста,
В огуречнике не пусто.

И картошка, и морковь,
Да свекла красна, как кровь.
А хозяев нет нигде,
Ходят куры на гряде.

Ну, сестренки побежали,
Кур в курятник всех загнали,
И насыпали пшеницы,
Да налили им водицы.

И травы коровам дали.
Все почистили и далее
Их водою напоили,
Да обоих подоили.

Овцам веток наломали,
Чушкам корму намешали.
И коня не позабыли –
На лужок его пустили.

Псу наложили кашицы
С молоком, да чуть водицы.
Тут старушка подошла,
Их обедать позвала.

Пообедали сеструшки
И спросили у старушки:
«Как вы тут одна живете
И хозяйство все ведете?»

«У меня такие слуги:
Две кикиморы-подруги,
Двое леших да три беса
Вас доставили из леса.

Вы не бойтесь их напрасно.
Тут дела идут прекрасно.
Без моёва повеленья
Даже птичье оперенье

Никогда не шевельнется,
К вам никто не прикоснется.
Вы хорошие сеструшки,
Золотые конапушки

Вот сейчас придут два беса
И проводят вас из леса,
Да лукошки подберут,
И грибов вам наберут.

Вы с утра не поленились,
И в хозяйстве потрудились.
Я же вас не осужу,
И за труд вас награжу.

Ваши темные веснушки,
Или, как их, конапушки,

Были самые простые,
Теперь стали золотые.

Вот вам зеркало, смотрите,
Носик, губки подотрите.
А еще вот вам сережки.
Как пойдете по дорожке,
Не снимайте никогда,
Не заблудитесь тогда.
В лес почаще приходите,
Да никому не говорите,

Что вы были у меня.
А пройдет еще три дня,
Приходите до меня.
За малиной мы пойдём,
Много ягод наберем.

Вас ко мне медведь проводит,
Он всегда тут рядом ходит,
Он, бывает, зарычит,
Не сердито он ворчит.

От него не убегайте,
Лучше меду ему дайте.
Вы когда ко мне пойдете,
Мед в бочонке там найдете.

Он под той же самой елью,
Что служило вам постелью»
Так сестренки поступили,
Только в лес они вступили,

Да немножечко прошли,
Ель свою они нашли,
А под ней бочонок меда.
А в лесу стоит погода,

Солнце светит, благодать.
Но кому же мед отдать?

Нет, медведя не видать,
Надо малость подождать.
Глядь, на них идет медведь,
Здоровущий, жуть глядеть.

От медового бочонка
Отбежали тут девчонки,
А медведь, ворча тихонько,
Пододвинулся к бочонку.

Запустил в бочонок лапу,
И с ворчаньем косолапый
Начал слизывать он мед,
Сунул лапу прямо в рот.

Сам ворчит да смотрит в бочку,
А сестренки из-за кочки
На медведя все глядят,
Будто сами мед едят.

А медведь сорвал лопух,
Да кусище меду – бух,
И, как в руки, в лапы взял
Да девчонкам мед отдал.

Сам опять вернулся к бочке,
И, ворча, сосет кусочки,
Да на девочек глядит,
У бочонка все сидит.

Долго-долго так сидел,
На бочонок все глядел,
А потом поднял бочонок,
Рыкнул тихо на девчонок,

Да поднялся, встал на лапы,
Меж елей закосолапил,
А девчонки в след пошли,
Вновь к избушке подошли.

А медведь бочонок тот
Вдруг поставил у ворот,
В чащу леса углубился
И как будто растворился.

Тут девчонки подошли,
За медведем не пошли.
И хозяйка появилась,
Ни чему не удивилась,
Лишь бочонок забрала
И девчонок позвала.

«Ну, сестренки, мы втроем
За малиной в лес пойдём.
Нынче много уродилось.
Вот вы мне и пригодились.

А то лешие опять
Отказались собирать,
Только сами жрут малину,
Да потопчут половину.

Я хоть и хозяйка леса,
Да ушли куда-то бесы,
А малина-то не ждёт,
Не собрать, то опадет».

«Ой, а мы боимся леших!»
«Да не тронут вас они.
Я за бесами, их пеших,
Прогоню, чтоб знали дни,

Когда мне они нужны;
А меж собой они дружны.
Так что пусть скорей найдут,
И ко мне их приведут.

Пусть малину соберут,
Вас до дома доведут.
Ведь малины-то не мало,
Чтоб не шлялись где попало,

А работали, бродяги,
Не шатались, бедолаги.
А то ишь как разболтались,
Грибников дурачить взялись».

Вот, к малиннику подходят,
Много ягоды находят,
И в лукошки собирают,
Ветки быстро обирают.

Тут и бесы подошли,
Всю малину унесли.
Принесли еще лукошки,
И мурлычут, словно кошки.

По кустам малину рвут,
Половину сами жрут,
Но лукошки наполняют,
Да медведя прогоняют.

А медведь на них рычит.
Бабушка на них кричит,
Чтоб не трогали медведя,
Называя его Федя.

И старушка рассказала,
Что судьбу медведя знала.

Был хорошим человеком,
Помогал всегда калекам,

Никому не делал зло,
Но ему не повезло.
На окраине села
Дуня с бабушкой жила.

Люди сказывали, Дуня –
Настоящая колдунья.
Когда бабка умерла,
Колдовство передала.

И понравился ей Федя,
Только он о том не ведал,
И на Дуню не глазел,
Он другую приглядел.

Тут со злости Дуня Федю
Переделала в медведя.
Думала, он покорится,
Снова в парня превратится.

Уговаривала Федю,
Чары, мол, сниму медведя.
Но однажды в лес пошла,
Только Федю не нашла.

Она думала, что Федя,
А попала на медведя.
То шатун орехи рвал,
Он ее и разорвал.

Видно бог его послал,
Чтоб он Дуню наказал.
Говорило все село:
Не твори, мол, людям зло.

Так теперь выходит Федя
Дуней превращен в медведя.
Зла он людям не приносит,
Иногда лишь меду просит.

А мне жалко вот его.
Он послушный, ничего,
Только вот беда, заклятье
Не могу я снять с него.

«Да, бабуля, жалко Федю.
Он нас медом угощал.
Хоть и страшным был медведем,
Но на нас он не рычал,
А так, немножечко ворчал.

Бабушка, а можно с Феди
Снять заклятие медведя?»
«Да, оно, конечно, можно,
Только это очень сложно.

Вы еще малы пока.
А задача велика:
Нужно, чтобы хлеб из теста
Испекла его невеста.

Да и вышила рушник,
Тот, к какому он привык,
И на этом рушнике
Принесла бы хлеб к реке

В ночь большого полнолуния.
Там живет душа колдуньи,
Но она ее не тронет,
Лишь от злобы как бы стонет.

Тут не надо ей бояться
И на стон не отзываться.
Пусть она в поклоне низком
Подойдет к медведю близко,

Развернет рушник рукой,
А хлеб на рушнике такой,
Настоящий каравай.
Тут смотри да не зевай,

Только хлеб он заберет,
А она к нему шагнет,
Да рушник, что знал тот Федя,
И набросит на медведя.

А распознать его легко,
Он не ходит далеко,
За кустами отдыхает,
Да охотников пугает,

У них ружья отбирает
И, сломав, в реку бросает.
И охотники боятся
В этом месте появляться.

Он, хотя не убивает,
Но потреплет, так бывает,
Всю одежду изорвет
Да еще наподдает.

Так охотников накажет
И дорогу им укажет,
По грозит во след им лапой.
Вот такой он, косолапый.

Я вам задание дам на месте.
Вы сходите к той невесте,

Расскажите о медведе,
Да напомним о Феде.

Коль она не побоится,
То, быть может, согласится,
К матери его пойдет,
Мать рушник его найдет.

Да сама рушник такой
Вышьет собственной рукой,
А потом истопит печь,
Чтоб в печи той хлеб испечь.

Хлеб в рушник тот завернет,
Выйдет задом наперед.
Путь к реке луна укажет,
А как придет, то громко скажет:

Здравствуй, милый, я пришла,
Тебе хлеба принесла,
Выйди, выйди, мой родной,
Трудно без тебя одной,
Не прожить мне без тебя,
Я зову тебя, любя.

К ней медведь навстречу выйдет,
Пусть она его не видит,
Чуть глаза свои прикроет,
Да рушник-то и раскроет.

А когда он хлеб возьмет,
Да чуть в сторону шагнет,
Тут нельзя терять минуты,
Чтобы снять заклятья путы.

Тут она должна сказать,
Да на речку указать:

Милый, в речке окунись,
Рушником своим утрись,

А потом и хлеб откушай,
Только шум да вой не слушай.
Тут медведь как бы очнется,
Быстро в речке окунется,

Да утрется рушником.
Чары, словно ручейком,
Потекут они с медведя.
Перед нею встанет Федя.

А душа колдуньи злой
Зашумит, поднимет вой,
А потом она застонет
И в реке со зла утонет.

Вот вам, девочки, задание,
А пока что до свиданья.
Вы теперь в село идите,
Да невесту ту найдите.

И без спешки, слово в слово
Передайте ей толково.
А если встретите кого,
Не сболтните ничего.

Просто мимо так пройдите,
Ничего не говорите.
Обо мне вообще молчите,
Никому не говорите,

Что вы были у меня
Не один, а все три дня».
И сестренки, как подружки,
Золотые конопушки,

Возвратились в село.
Им, конечно, повезло,
Время даром не теряли,
И невесту отыскали.

Все, как есть, ей передали,
Хоть на картах не гадали.
И с поклоном до земли
К маме Фединой пришли.

Мама встретила их мило,
В хату в гости пригласила,
Усадила у стола,
Чай с вареньем подала.

Но невеста не сидела,
Тут же принялась за дело.
Попросила показать
Рушник Федин, надо знать.

Мать не жадная была,
Рушник Федин отдала.
Ей не ведомо, что Федя
Превращен теперь в медведя.

И невеста поклонилась,
А потом уж удалилась,
А за ней пошли сестренки,
Конопатые девчонки.

Надо сделать все за ночь,
И они пошли помочь.
Завтра будет полнолуние,
И невеста хлопотунья

Печь дровами истопила,
Тесто быстро замесила;

И девчонки помогают:
То дровишки ей таскают,

Да воды ей принесли,
А потом домой пошли.
Тут невесте все самой.
Все дела взяла домой.

Каравай свой выпекает,
Рушничек свой вышивает.
Не далеко до заката.
К ней опять пришли девчата.

Скоро вечер, наконец.
Тут она, как под венец,
Снарядилась, вся сияет.
Вот уж полночь наступает.

Вышит Феди рушничек,
И с двери уж снят крючок.
Надо лишь луну дожждаться,
Чтобы с нею в путь пускаться.

Наконец, взошла луна,
А невеста не одна,
С ней сестренки вышли прочь,
А на улице-то ночь.

А еще невесте надо,
Чтоб из дома вышла задом.
И сестренки так решили:
Чуть невесту проводили,

А до леса как дошли,
То они домой пошли.
А невеста в лес пошла,
Каравай свой понесла,

Завернув его в рушник,
Он не мал и не велик,
Настоящий – не простой,
Вышит, словно золотой.

Вот уж слышен шум реки.
Тут кусты не велики,
Но густые, не пройдешь,
Если ночью попадешь.

Тут она остановилась,
Три раза перекрестилась,
И сказала те слова,
О которых шла молва.

Ничего не позабыла,
Как хозяйка говорила
Через девочек-сеструшек,
Да слыхала от старушек.

Куст большой зашевелился,
И медведь тут появился,
Перед девушкой он встал
Да заплакал, зарыдал.

А невеста поклонилась,
На колени опустилась,
Рушничек тут развернула,
Хлеб медведю протянула.

Каравай медведь берет,
А сам плачет да ревет.
Только он к кусту шагнул,
Низко голову нагнул,

Тут невеста подошла
Да рушником и обвила,

Говорит ему: «Очнись,
В речке быстро окунись,

А потом, как окунешься,
Рушником и оботрешься,
И тогда уж хлеб откушай,
Только шум да вой не слушай».

Тут медведь как бы очнулся,
Быстро в речке окунулся
И утерся рушником.
Шерсть стекает ручейком.

И из дикого медведя
Появился парень Федя.
Только сдвинулся он с места,
Глядь, стоит его невеста.

Федя к ней тогда подходит,
Взгляд с невесты не отводит.
Сели, рядышком сидят,
Да обои хлеб едят.

Тут раздался грохот, вой.
Застонало над рекой.
В воду что-то тут упало,
И опять все тихо стало.

«Федя, милый, нам пора,
Не далеко до утра.
Вон, луна пошла на сход,
Значит нам пора в поход,

Чтоб по лесу не плутать,
Да и хочется уж спать.
Поднимайся, милый мой,
И пойдем с тобой домой.

Мать обрадуется нам.
Радость будет всем домам,
Что колдуньи больше нет,
И людям не будет бед.

А как жито уберем,
Может, свадьбу соберем,
Ведь одна осталась я,
А с тобой уже семья.

Пока ты бродил медведем,
Умерла маманя, Федя,
И осталась я одна,
Молода и не дурна.

А одной, хоть волком вой,
Но я знала: ты живой.
Потому, сватов сколь было,
Всех за двери проводила.

Твою маму не оставим,
Дров ей на зиму доставим,
А захочет с нами жить,
Будем ею дорожить».

Так домой вернулся Федя.
Больше года был медведем.
А как в село они пришли,
Сразу к матери пошли.

Мать на радости всплакнула,
А потом, как отдохнула,
Да с иконой любо мило
Тут же их благословила.

И о том в течение дня
Уже знала вся родня.

Тут и осень наступила.
«Ну, пора нам в поле, милый,

Урожай богатый ныне,
Отложили именины.
Хлеб поспел, не будет ждать,
Значит надо убирать».

И, как жито все убрали,
Тут же свадебку сыграли.
Все село на свадьбе было,
И меня не позабыло.

Много было там вина,
Да все выпили до дна.
Правда, капелька осталась,
Да и то мне не досталась.

Гости долго веселились,
Наконец, утомонились.
Жениху с невестой вместе
Пожелали жить лет двести

В счастье и благополучье,
Да чтоб было деток куча,
А потом и внуки были,
Деда с бабой не забыли.

Жили счастливо, богато,
Да чтоб добром ломилась хата,
Щи да каша на столе,
Мир и дружба на селе!

О ЖИЗНИ

Жизнь катится к закату неуклонно,
Но я расстаться с нею не спешу.
Пусть там законно или незаконно,
Я продолжаю, все-таки пишу!

И пока бьется мое сердце,
Пока душа во мне жива,
Где с сахаром, а где со жгучим перцем,
Я буду помещать свои слова!

О сельской жизни, о крестьянах;
Как трудятся, живут в селе.
Не забываю о смутьянах,
Да о следе на земле.

ТРУДОВУШКА

У меня одна забота.
Я на радость иль беду,
Словно гостя, по субботам
Трудовушечку я жду.

Принесут, беру, листаю,
Содержанье просмотрю,
А потом ее читаю,
В обсуждениях курю.

Для меня не безразлично
Жизнь района и села,
Я душой болею лично
За районные дела.

Жить с газетой в дружбе вечной,
Ждать хороших новостей.
Может только бессердечный
Не принять людских вестей.

Не завидуите такому,
Он живет лишь для себя,
Кроме собственного дома
Жизнь ругает, не любя.

Для него все люди – звери,
Все бандиты и лгуны,
А у меня открыты двери
Даже в стадии луны.

Для меня любой гость в радость,
А чего стоять в дверях,
Проходи, вот чай и сладость,
Расскажи о новостях.

Вот, читай в газете сводку,
Тут надои, урожай.
Нужный опыт, как находку,
Изучай, да соображай.

Люди трудятся завидно,
Вот как пишут-то о них.
А, дружочек, мне обидно,
Не у нас дела – у них.

Не расстраивайся, друже,
Будет праздник и у нас.
Выйдем в люди, и не хуже
Напечатают про нас.

Знай, что наша «Трудовушка»
Мимо точно не пройдет,

И, как милая подружка,
С новостями к нам придет.

Да расскажет все, как надо,
Что в районе, что у нас,
Там работает бригада
Журналистов первый класс.

Если дело стоит слова
Или новшество введешь,
Да полезное толково,
Знай, в газету попадешь!
20. 01. 10.

ПОДВИГ СОЛДАТА

Сталинград стоял в руинах.
Немцы рвались напролом.
Только он – не Украина,
Здесь входу кирка и лом.

Били немцев, чем придется,
Есть приказ – не отступить.
Ранен в ногу – обойдется,
Бить, стрелять, не уступать!

При морозе, ветре жгучем
Русский парень – не простак,
Шел со смесью он горючей
Против танковых атак.

У солдата две бутылки.
Танк поджечь решил юнец.
Только поднял, пуля пилкой –
Загорелся сам боец.

Вмиг затихли автоматы,
Катит к танку шар огня,
Удивляются ребята,
Рядом с танком уж возня.

И на танк вскочил касатик,
Да вторую по броне.
Танк горит, а кто солдатик,
Не узнали на войне.

Долго тот рассказ словесно
По траншеям пробегал,
Как солдатик неизвестный
Танк немецкий поджигал.

И фашист давно разбитый,
Только помнится тот бой,
Да солдат, огнем обвитый,
Поджигает танк собой!

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

(эпопея)

Шестьдесят пять лет прошло,
Как фашистов победили.
Много времени ушло,
Но войну мы не забыли.

Много горюшка война
Принесла всему народу,
А всему была вина
Человечества уроду.

Да, война, как злая сила,
Не щадила никого.

Смерть косою всех косила,
Лишь хранила одного.

Он безумною идеей
Эту бойню развязал,
Бед немало он наделал,
Так, мол, Бог ему сказал,

Убивать евреев, русских,
Всех, кто их не признает,
Рабство остальным в нагрузку,
Низших рас пустить в расход.

И напали на испанцев,
А потом поляк, хохол,
Быстро смяли иностранцев,
На Россию гад пошел.

Пуля, мина да граната
Взрывом многих забрала.
Гибли в пламени ребята,
Вот такой война была.

Били пушки, пулеметы,
Танки гнали напролом,
Да бомбили самолеты –
На земле пожар, разгром.

Вот сошлись большие силы,
Весь в руинах Сталинград.
Смерть людская без могилы,
Но приказ – нельзя назад.

Отступать нельзя ни пяди.
Немцы в помощь ждут подвоз,
Перекрыли путь им сзади.
Нашим в помощь жмет мороз.

Обмораживает уши,
Мерзнут пальцы рук и ног.
Вымораживает души,
Только русский выжить мог.

Много немцев замерзало,
Много наших полегло,
Но война их всех списала,
У войны большое зло.

Крепко наши там держались,
Не давали передых,
И в атаках насмерть дрались,
Били в голову и в дых.

В страшной битве Сталинградской
Каждый дом был рубежом.
Трупы, как в могиле братской,
А снаряды, как ножом,

Рвали, резали, рубили
Без разбора всех подряд,
И живых людей громили
Миной, связками гранат.

Немец падал, он сдавался
В смертной битве огневой,
Только русский оставался
В форме в схватке боевой.

Дни и ночи канонада,
В январе разрядов гром,
И сломалась армада –
Наступает перелом.

В окруженной группировке
Приопал фашизма дух,

В шаль закутавшись неловко,
Отобравших у старух.

Холод сковывал движенья.
Да пропал немецкий строй.
Не солдат, а наважденье,
Думал, будет он герой.

Да, беда, лютой мороз
Заморозил уши, нос.
Ну и немец, ну хорош,
Прям на пугало похож.

Жуков план ваш разгадал,
Огоньку вам наподдал,
Окружил, куда деваться,
Остается в плен сдаваться.

А хотел владеть Москвою,
Русских в рабство обратить,
Да с поднятой головою
По святой Москве ходить.

Что ж, не вышло, бесноватый,
Высшей расы человек.
В голове не мозг, а вата,
Позабыл тринадцатый век.

Как на Чудском воевали,
Мало Невский вас лупил.
А в четырнадцатом бывали,
Сколь оставили могил.

Но видать опять забыли,
Что Россия – не Литва,
И не Польша. Здесь вас били
Пехотинцы и братва.

Вы решили все вопросы,
Русских махом перебьем.
План назвали Барбароссом.
В плен евреев заберем.

А Россию в Волгу сбросим,
Месяц, два – и разобьем,
Мы их техникой покосим,
Перетопчем, перебьем.

Мы навалимся громадой,
Самолетами армад.
Месяц, два боев, осады –
И Москве поставим мат.

Не туда, видать, попали,
Разбежались широко,
Тут штаны-то и порвали.
Взять Россию нелегко.

Вы хотели по брусчатке
Походить, как господин,
Со знаменами в перчатках.
Мы вам шанс такой дадим.

Вы разок пройдете, может,
По брусчатке у кремля,
Да свои знамена сложить,
Чтоб вас приняла земля.

Мы на вас не нападали,
Вы к нам первыми пришли.
Взять хотели нас – не взяли,
Тут вы смерть свою нашли.

Много бед вы натворили
На земле среди людей.

Не напрасно вас судили
За бредовый план идей.

Быть хотели высшей расой,
Да богами на земле.
Топайте пешком по штрассе
К магаданцу к Калыме.

Да на деле убедитесь,
Как Россия широка.
Нам в работе пригодитесь,
Так что топайте пока.

Там немного поживете,
Остудите пыл и страсть,
Людям пользы вы дадите,
Позабудете про власть,
Про бредовые идеи
Там за речкой Колымой.
Да освоите в рудном деле
Специальности зимой.

Ну а мы, судите сами,
В бой пойдем за Сталинград,
Да в конец покончим с вами,
И очистим Ленинград.

Мы погоним вас обратно
В ваше логово огнем,
А чтоб вам было неповадно,
Мы вас трижды проклянем.

Шла война от Украины
И до северных морей.
Сталинград стоял в руинах,
Но он бил врагов-зверей.

Весь изранен, разоренный,
Как военный арьергард,
Он стоял не покоренный
Славный город Сталинград!

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД

Нынче праздник на селе,
И на праздничном столе
Все должно быть очень вкусно,
Приготовлено искусно.

И сготовили обед,
Щи, котлеты, винегрет,
Каша пшенная, картошка,
Да огурчиков немножко.

Лук, капуста и томаты.
Что же делать? Как тут быть?
Блюд, тарелок многовато,
На столе не поместить.

Но хозяин подошел,
Выход быстро он нашел,
Взял он миску для себя.
Я возьму себе любя.

Щей половник почерпнул,
Винегрету сыпанул,
И добавил все салаты,
Каши пшенной и томаты.

Положил туда котлеты,
Все смешал, потом при этом
Поперчил, горчичкой смазал,
Посолил и хлеба взял.

В заключение сказал:
«Для чего посуда эта?
Все салаты, винегреты,
Да селедку, что под шубой
Положить в одну посуду.

А компот, коктейль из вин
Можно слить в один графин.
Так уменьшится посуда,
На столе не будет груды.

Для чего набор из вин,
Ведь желудок-то один?
А теперь позвольте сесть,
Мне пора и пить, и есть».

Взял фужер себе большой,
Улыбнулся всей душой,
И налил сначала пива,
Да так весело, игриво.

Пиво водкою разбавил,
Коньяку туда добавил,
Газировку и компот,
Словно в бочку, вылил в рот.

И потом он начал есть,
Отдавая пище честь.
Все, что в миске только было,
Выскреб весело, красиво.

И так сладко позевнул,
Улыбнулся и заснул.
Он наелся и напился,
Сон хороший ему снился,
Что, как солнышко в окне,
Улыбался он во сне.

ЧЕСНОК

Посадили грядку чесноку.
Уродился чесночок хороший.
И зимой в зеленую тоску
Мы чеснок и так едим, и крошим.

Он зимой нам нужен каждый день,
От простуды, гриппа нас спасает.
Если кто чеснок не прячет в тень,
И в обед, и вечером вкушает,

Для него простуда нипочем,
Чесночок микробов убивает.
Грипп свиной он гонит кирпичом.
Вот как в дружбе с чесноком бывает.

Так что, не стесняйтесь чеснока,
Кушайте утрами, вечерами.
Вас простуда не возьмет пока,
В этом убедитесь вы и сами.

Наш чеснок от гриппа и чумы.
В этом он заслуживает право.
И чеснок выращиваем мы,
Очень уж полезная приправа!

РАСШАТАННЫЙ СТУЛ

Расшатался стул подо мной,
Устарел, и пора бы на свалку.
Может быть, его вместе со мной,
Не менять чтоб на кресло-качалку.

Ну куда я пригоден теперь,
В сердце боль и дыхание сбито.
Был силен, агрессивен, как зверь,
Да с годами ушло, все забыто.

На меня уж и смотрят не так,
Бесфигурный, опущены веки,
А ведь был я орел и казак,
А состарились – не человеки.

И не нужен теперь никому.
Для родных я стал лишней обузой.
Да обидно порой самому
От того, что я стал лишним грузом.

Этой мысли я очень боюсь.
Неужели закончились годы?
Но об этом писать не берусь,
В новостях жду я сводку погоды.

Я люблю свою жизнь горячо.
Сил от старости нет, понимаю.
Для разгрузки от грусти еще
Иногда я жену обнимаю.

Просто так, к ней лицом повернусь,
Чтоб сказать ей «Люблю», улыбнуться,
А потом, спать ложась, отвернусь,
А на утро с улыбкой проснуться.

И неправда, что нам на погост
Отправляться пора уж давно бы,
Я пока не покинул свой пост,
Буду жить для людей я без злобы.

Пусть расшатанный стул, устарел,
Будут деньги на новый заменим.
Я и сам, как тот стул захирел,
Но друг другу мы нет, не изменим.

ЗИМА 2010-ый

Земля, покрытая снегами,
Мороз трескучий по лесам,
Хрустят снежинки под ногами,
А ночью звезд по небесам

Не сосчитать, их мириады,
Цветами разными блещут,
И чертят небо звездопады,
Стрелой огненной летят.

Рассыпаны по небосводу,
Гулять морозу дали ходу,
Волшебным посохом стучит,
По всей земле на санках мчит.

Он нынче просто разгулялся,
И по Европе пробежался,
Там, где и быть-то не должно,
Судьбою быть там суждено.

Болгария попала в зиму,
И Турция в свою корзину,
Не может сладить с непогодой,
Собрать снега, осадки года.

Да, мощная зима пришла.
На Украине и в Кубани,
В Молдавии все замела,
Германию не обошла.

Во Франции гудят метели,
До Англии уж долетели,
Засыпали Приморский край,
Пошли бедою на Китай.

И от Аляски до Канады,
От Швеции и Петрограда,
Перешагнули океан,
Попали Штаты, как в капкан.

Везде раскинулась зараза,
Лавин каскад грозит Кавказу,
У нас в Сибири жмет и жмет,
Мороз за сорок нам не мед.

Второй уж месяц догоняет,
Чуть сбавит, снова нагоняет.
Мороз на улице трещит,
Мухтар поднял на воздух лапу,
Скулит, от холода пищит.

Предсказывает нам тревогу:
Хозяин, уголь в дом тащит.
Да, видно, так угодно Богу,
Февраль выходит на дорогу.

Посмотрим, что он скажет нам,
Быть может, волю даст снегам,
У нас его не так уж много,
Мороз, осадки – все от Бога.

Что ж, если даже невпопад,
Мы примем с честью снегопад.
Зима-старушка вся седая,
Ты осенью лишь молодая,
Но стоит марту наступить,
Зиме придется отступить.

Ослабнут холод и метели,
И мы услышим птичьи трели,
В лесах весной оттают прели,
Мороз отступит и привет,

Подует ветер-снегояд.
Снег посинеет, заблестит,
И грач на поле прилетит,
А там и таянье снегов
Начнется с кочек, берегов.

А встанет солнышко в зенит,
Ручей веселый зазвенит.

НА РЫБАЛКЕ

На рыбалке у реки
Собрались рыбаки.
Время к вечеру идет,
Собирай дрова, народ.

На уху-то наловили,
Наловили и сварили.
Хороша уха у нас,
Вкус и запах – первый класс.

Запалили мы костер,
И начался разговор.
Достаем из сумок снедь,
Сколько вкусного, заметь.

Хлеб и сало появилось,
Рюмка тоже пригодилась.
Лук перо и огурцы,
А уха-то! Молодцы!

Да, рыбалка удалась.
Вот отсюда повелась
Поговорка рыбака:
Рыба там, где есть река.

А умение рыбачить –
Основное дело, значит,
По реке известно всей,
Наливай себе да пей!

ВРУН

(байка)

Жил в деревне человек,
Добрый парень, справедливый,
Но любил он врать в свой век,
И врал так складно и красиво.

Вроде, знаешь, что он врет,
А подумаешь: правдиво.
И не каждый разберет.
От вранья давались диву.

И все слушали вруна
С удовольствием часами,
Но понять говоруна
Даже слушатели сами

Не всегда, не каждый раз.
Врал он просто, так вот сходу.
То иной, бывало, час,
Правда будто смотрит в воду.

Надоело все вруну.
Стал рассказывать правдиво.
Что не скажет – ну и ну,
Вот как врет, ну просто диво!

Ладно, думает тогда,
Проучу я вас. Так, трошки...

Едет как-то, вот беда,
Повстречался друг тут, Прошка:

«Ну соври чего-нибудь!»
А врун: «Вон солнце-то к обеду»
Сам коню кнута под грудь:
«Я спешу, на мельню еду»

«Подожди, куда спешишь?»
«Да на мельницу собрался.
В тот раз ездил, только шиш
От продажи и достался».

«А чего там продают?»
«Отруби, да по дешевке.
Извини, спешу, отнюдь»
А сам смеется, так, с издевкой.

«А мне отруби нужны
Для свиней и для скотины.
Попадет мне от жены,
Дома-то одна мекина.

А тут отруби дают
По дешевке, сколько хочешь»
«Не до врак мне, не уют,
Даже если и захочешь».

Сам торопится, орет
Да лошадку понукает.
Видит Прошка, друг не врет,
Сам задумался, смекает.

Прошка прыг с саней бегом.
Дома лошадь запрягает.
Мечет молнии и гром,
Да супругу подгоняет.

А жена: «Куда спешишь?»
«Как куда? На мельню еду!»
«Что там делать-то хочишь?»
Солнце-то уже к обеду.

Ехать долго, далеко,
Верст пятнадцать будет с гаком,
И коню-то нелегко»
«К вечеру вернусь, однако»

«А на улице мороз.
Аль зерно молоть собрался.
Там и желоб-то замерз.
Сам-то что не догадался?»

«Да я знаю, не дурак!
Не зерно молоть я еду.
Погляди-ка, едут как,
Хоть и солнце уж к обеду.

Отруби там продают,
Да еще почти задаром,
И без меры отдают.
Так что, я вернусь с товаром».

Сам быстрее на коня,
И погнал, что было прыти.
Эх, успеть на склоне дня,
И полны будут корыта.

Погоняет лошадь он.
Едет, песни распевает.
А дорога под уклон,
Тут и скорость прибывает.

Скоро мельница уже,
А дорога-то все уже.

Что такое на меже?
Все уброднее и хуже.

Вон уж мельница видна.
Только пусто, нелюдимо,
Нет ни следа, ни рожна,
Здесь торгов не проходило.

«Что за чудо? Обманул!
В бездорожье лошадь встала.
Ну, врунишка, сболтонул,
А ведь я ему сначала

Сам поверил в первый раз.
И кому, дурак, поверил!
Ну, набью ему я глаз.
Как я сам-то не проверил?»

Лошадь смирная стоит.
Столько верст бегом бежала.
Посмотреть, как будто спит.
Да, видать, она устала.

«Но! Поехали домой!»
Еле тащится лошадка.
Вот врунишка, Боже мой.
Вот какая тут накладка.

Кое-как пришла домой
Заморенная лошадка.
Дело было-то зимой,
И с кормами недохватка.

А поэтому зимой
Лошадей не запрягали,
С недокормцей самой
Кони чаще отдыхали.

И на утро собрались
Мужики, а с ними Прошка,
Но вруна не дождались,
Отдохнуть решил немножко.

Прошка злится на вруна:
«Обманул меня, зараза!»
А мужики говоруна
Охраняют пуще глаза.

«Как тебя он обманул?
Расскажи, нам интересно».
«Как да как, вот так сболтнул,
А я поверил, как известно.

Я просил его соврать,
Как обычно все мы просим,
А он: некогда трепать,
Время, видишь, под вопросом.

Да что случилось? – тороплю,
Расскажи там, что за беды.
Вот, нисколько не треплю, -
Говорит, на мельню еду.

Там, мол, отруби дают,
Дешево, почти задаром.
Сколько хочешь, продают.
Корм-то – во! – хорош с припаром.

Ну я с дурру и домой,
Впряг я в сани кобылицу.
Да успеть бы, Боже мой,
И погнал, а день садится.

Приезжаю – никого.
Отрубями и не пахнет.

А кобыле какого,
Тут здоровый конь зачахнет.

Вот ведь что придумал, гад,
Попадет он мне, зараза!»
«Но ты сам же виноват»
«Посажу фингал под глазом!»

Слушай, Прохор, сам его
Врать тебе как есть заставил.
Надоел ты – огого!
Вот тебя он и обставил.

Слишком часто пристаешь,
Надоел ему изрядно,
А теперь вот горло рвешь,
Ты же знаешь, врет он складно.

Вот что, Прошка, приотстань.
Он нисколько не виновен,
И сердиться перестань,
Сам схлопочешь в час неровен.

ГРИПП

Простуда, грипп, температура,
Плохое дело – заболел.
Но тут характера натура,
И не поддался, не сомлел.

Попил отвара травяного,
Да «ацетилки» поглотал.
Температура сбита снова,
Но кашель так надоедал.

Забьет до слез и до удушья.
Мы с этим справимся легко.
Вода горячая радушья,
Горчицы, в тазик молоко.

Вспотел прекрасно, надо прессом,
Твой кашель снимет, как рукой,
Под толстым жировым компрессом.
Ты за ночь обретишь покой.

Вот так старинное лечение,
Лишь только правильно веди,
Тебя избавит от мученья,
И ты здоровый, погляди.

В груди ни кашля нет, ни хрипа,
Дыханье ровное, легко.
Чеснок толчен помог от гриппа,
Теперь ушел он далеко.

Да, не у всех бывает так.
Другой не справится никак,
Хрипит, и кашель, как стрельба,
У слабых это, как судьба.

Разноется, распустит слюни.
Ну как ребенок, просто нюня.
Такому справится трудней
С простудой и за десять дней.

Простыл – борись, не поддавайся,
Трудись, работай, закаляйся,
И я уверен, вся простуда
Не подойдет к тебе покуда.

ПОЖЕЛАНИЕ ВНУЧКЕ НАСТЕ ДЬЯЧКОВОЙ

Мы внучку Настю поздравляем,
Желаем радости, побед,
Здоровья, счастья ей желаем
На много-много долгих лет.

Пусть внучка наша не хворает
В свои тринадцать лучших лет.
Звезд с неба лучше не хватает,
И пусть горит над тортом свет.

Желаем в школе ей учиться,
Как следует читать, считать,
И на уроках не лениться,
В дневник пятерки получать.

И, что бы в жизни не случилось,
Всегда счастливою была.
В спортивной части отличилась,
Вела с душой свои дела.

Сегодня просто день рожденья,
Пока еще не юбилей,
Но праздник, в жизни уваженья.
Веселой будь и не болей.

Не забывай и деда с бабой,
Да папу с мамой уважай.
Всегда здоровой будь, не слабой,
В Сибирь к нам в гости приезжай.

А мы тебя уж не забудем,
И встретим с радостью тебя.
Приезду очень рады будем,
Тебя душою всей любя!

С любовью, дед и баба, Дьячковы.

24. 11. 09.

ПОЖЕЛАНИЕ СЫНУ

(Дьячкову Алексею посвящается)

Тридцать восемь, не так уж и много.
Но пора оглянуться назад,
Оглянуться на жизнь, на дорогу,
Жизни пройденной сделать доклад.

Что ты можешь стоять в жизни твердо,
Не шататься дорожкой кривой,
А по жизни шагать ровно, гордо,
С гордо поднятой головой.

Мы тебе пожелаем все это.
Быть мужчиной на твердых ногах
С оптимизмом зимою и летом,
Да пореже ходить на бровях.

Чтоб бюджет в доме был чуть с запасом,
На столе не кончалась еда,
А кровать – с пухлым, мягким матрасом,
Чтобы в дом не стучалась беда.

А случится зигзагом дорога,
Знаю, можешь ее одолеть,
А если будет беда у порога –
Обойти, на нее не глядеть.

Чтоб здоровье твое не хандрило,
Не болела от дум голова,
А к дождю поясница не ныла,
Да забылись плохие слова.

Ну а так пожелать между делом,
Миновал ты и пламя, и дым,
Не старел ни душой и ни телом,
Лет до ста был всегда молодым.

А еще мы тебе пожелаем
В жизни смелым, решительным быть.
Средь людей был всегда уважаем.
Честь и совесть свою не забыть.

С любовью папа, мама!
13. 11. 10.

ХОРОШ МОРОЗ

Меня зима на улицу зовет.
Мороз за тридцать, тишина и солнце,
Лишь провод электрический поет,
Покрылось льдом от холода оконце.

И все же, я оделся потеплей,
В селе дела на улице найдутся.
Смотри на зиму лишь повеселей,
А кому дела нет, прогулкой обойдутся.

А для меня морозец – благодать,
Он мне в хозяйстве очень помогает.
А в чем помощник, просто угадать,
Мороз трусливых мерзляков пугает.

А я мороза вовсе не боюсь,
Он для меня и бодрость, и отрада.
Иди, малец, на горку и не трусь,
Гляди, какое солнце за оградой.

А мне к морозу привезли дрова,
А их в мороз колоть одна улада.
От колки дров потеет голова,
Зато и колются дрова как надо.

Колун взлетает выше головы,
Один удар – и чурка раскололась.
Звук от удара, как от булавы,
Поленья издают звенящий голос.

С хрустальным звоном колются дрова.
Да, хорошо колоть их на морозе.
Попался комель, тут удара два,
А в оттепель тут колуну угроза.

Да, в оттепель работа уж не та,
Колун частенько в чурке застревает,
Не колка дров, а только маята.
Такое в оттепель при колке дров бывает.

Поэтому верны мои слова,
Не важно в чем: в стихах они иль в прозе,
Но знаю точно, что колоть дрова
Удобнее и легче на морозе.

НА ЗАКАТЕ ЖИЗНИ

Жизнь стала на закат катиться.
Шаги короче, взор слабей.
Все реже в деле стал годиться,
А силы нету, хоть убей.

Да, старость, видимо, – не радость.
Все чаще начал уставать,
Одышка, в теле боль и слабость,
На Бога только уповать.

На сколько жизнь у нас продлится,
Об этом знает только Бог,
А нам лишь Богу помолиться,
Чтоб трудность пережить помог.

Иду я в храм, чтоб Богу помолиться,
И мысленно его просить,
В молитве искренне креститься,
Просить его меня простить

За все грехи мои бывшие,
Что были просто без нужды,
Но только могут люди злые,
Тебе присвоить часть вражды.

Да обвинят тебя напрасно,
Наговорят, чего и нет.
Ты думаешь, что жизнь прекрасна,
А на тебя такой навет.

И хотя в храме божьем снова
Творю молитву, крест кладу,
Душой прошу у Бога слова,
Чтоб отвести свою беду.

Да попросить еще прощенья
За тех людей, что нагло лгут.
Я их прощу, забуду мщенье,
Быть может, грех понять смогут.

А Бог дорогу им укажет
В тот самый храм, чтоб снять грехи,
И мне он мысленно подскажет,
Чтоб не писать о них стихи.

Пускай живут на белом свете,
А если дальше будут лгать,
Не всем с небес и солнце светит,
Не всем и божья благодать.

А что со мною дальше будет,
Угодно богу и судьбе.

Я верю, люди не забудут
Ни Бога и ни о тебе.

Плохих людей не так уж много,
И больше добрым лишь везло,
Лишь добрый знал дорогу к Богу,
Добро лишь побеждало зло.

Нет, я не зря стремлюся к храму,
Надеюсь, Бог меня простит.
Подальше от греха и срама,
Лишь этим можно грех скостить.

И дома, перед сном глубоким,
Я Господа благодарю
Молитвой тихой, однобокой,
Но как умею, так творю.

А утром рано просыпаюсь,
Благодаренье Богу шлю,
И если что не так покаюсь,
За новый день его молю.

За то, что я живой проснулся
И, осенив себя крестом,
Водой холодной сполоснулся,
И лишь за стол сажусь потом.

Так и иду своей дорогой,
Верша домашние дела.
День прожил я – и слава Богу.
Такая жизнь теперь пошла.

ЖЕНИСЬ, СЫН

Отслужил солдат три года,
Возвратился он домой.
Возмужал, к труду пригоден,
Но к женитьбе был немой.

Не хотел ни как жениться,
Вот такой был человек.
В поле день и ночь трудиться
Он готов был весь свой век.

Мать с отцом уж постарели,
И за чаем вечерком
О женитьбе часто пели,
Чтобы нянчиться с внучком.

Только парень – ни в какую:
Не хочу жениться я.
Мы невесту неплохую
Присмотрели для тебя.

Ну, родители доняли,
Все женись да и женись.
Каждый день напоминали:
«Ну, какая твоя жизнь?

Спишь один, а как проснешься,
Рядом пусто, скучота.
А женатый, повернешься,
А тут женка – красота.

И бела и мягкотела,
Теплой ручкой обоймет.
Вдруг, да что-то захотела,
А мужчина сам поймет.

Мы уж с дедом постарели,
Нам помощница нужна,
И стряпни давно не ели,
А тебе нужна жена.

Стены хаты закоптились,
Побелить бы, пол помыть.
Вон, палаты прохудились,
Тоже надо починить.

Сам – старательный работник,
И не куришь, и не пьешь,
Ты и пахарь, ты и плотник,
А бобылем один живешь.

Хлев у нас скотины полон,
В закромах полно зерна.
Вон сундук, железом кован,
А в нем богатая казна.

Мы умрем, а внуков нету,
Кто же род-то наш продлит?
Пропадут добро, монеты,
Внуков должен ты родить.

Да, сынок, жениться надо.
Как там хочешь, а женись.
Мы же внукам будем рады,
А без них какая жизнь?»

Посмотрел палаты парень:
«Да, пора бы починить.
Я крестьянин, а не барин,
Все могу и сам сменить.

Но когда пора покоса,
Ведь погода-то не ждет.

Дождь пойдет, не сунешь носа,
Вот ремонт и подойдет».

Наметался парень сена.
Крепко, видимо, устал.
Смыл он с тела пот и пену.
На полатях спать постлал.

Спал всю ночь, к утру проснулся,
Крепко он с устатку спал,
На другой бок повернулся,
Вспоминать женитьбу стал.

Вспомнил армию, сарай,
Как один свободен был.
А доску, что нету с краю,
Он, наверно, позабыл.

Вот лежит сын на полатях,
Про себя мечтает вслух:
«Ну, женюсь, тут места хватит»
Отодвинулся, лопух.

«Тут жена моя приляжет,
А появится сынок.
Отодвинься, папа, – скажет»
Отодвинулся чуток.

«А потом родится дочка» -
Отодвинулся еще,
Провалился, нету доски,
Об пол вывихнул плечо.

Стук раздался от паденья.
За столом сидел отец.
«Ты чего?» - «Видал виденье,
Что женился, наконец!

Нет, отец, пока полати
Мы не сделаем ладом,
О женитьбе в нашей хате
Лишь подумаем потом.

Заживет плечо, как надо,
Мы полати подновим,
Хлев починим да ограду,
Починить пора овин.

А потом и можно сватать,
А иначе речи нет,
Чтоб с полатей нам не падать.
Вот такой вот мой ответ!»

ГРУЗ 200

Кому нужна в Чечне война?
Огромный штат при МВД.
И гибнет молодежь. А чья вина?
А сколько катастроф в ГИБДД!

Рассадник террористов развели
В Чечне, в Афгане, в Дагестане.
Оружие туда за деньги навезли,
И наркоту везут оттуда Ване.

Простых ментов, как лишний материал,
Ловить в горах бандитов в нужном месте,
И в ход пускают огненный металл.
Потом на вертолете грузы двести.

А наркотою травят молодых.
Кому-то русские застряли в горле костью,
И крепко нас кавказцы бьют под дых,
А претворяются, как наши братья, гости.

Груз двести – смерть нелепая юнца.
Он думал, долг священный выполняет,
На самом деле бойня без конца,
За счет его карманы наполняют.

Какой-нибудь фанат своей страны,
Его работа – убивать неверных.
Для них Россия – хуже сатаны,
Аллах для них превыше всех, наверно.

В России от безумия войны,
От груза двести слезы и страданья;
И люди не снимают с тех вины,
Кто отдавал приказы на заданья.

Уж сколько лет груз двести к нам идет.
То шел с Афгана, а теперь с Чечни,
И поступает даже с Дагестана,
С Осетии шли грузы в свои дни .

Так неужели же нельзя договориться,
Конфликты те другим путем решить?
Не могут власти просто помириться,
Переговором мирным завершить.

Зачем война идет и не спадает?
Кому она так выгодна, нужна?
С терактом в мире часто нападает.
От взрывов прежде плачет мать, жена.

Нет, нам война совсем не нужна.
Зачем нам друг на друга зуб точить?
Не лучше ли с народом жить нам дружно,
А недругам закон ужесточить!

ЦЫГАНСКАЯ УХА

(байка)

Лето, добрая погода.
От зари и до зари
В поле в это время года
Сено косят косари.

Время дорого покоса,
Надо вовремя убрать.
Тут забота и работа
Сено до дождей собрать.

Это нынче пресс подборщик,
Сенокоски полосой.
А в старину было по горше,
И косили-то косой.

Собирались спозаранок,
Жили в поле, в шалашах,
А косили утром рано,
По росе, по шире шаг.

Из еды, картошка с хлебом,
Квас, капуста, молоко,
Кулеша сварить к обеду,
Чтоб работалось легко.

Так мужик, чтоб пообедать,
Ставит на костер таган,
Кулеша сварить к обеду.
Подошел к нему цыган.

А цыгану чтоб поверить,
Самому цыганом быть,
Да и то, сто раз проверить,
Ничего не позабыть.

Подошел: «Здорово, батя!»
И уселся не спеша.
«Что, еду готовишь, дядя?»
«Да, варю вот кулеша»

«А кулеш – еда пустая.
Ну да ладно, поедим.
А у меня уха густая.
Вот с обеда поглядим»

А мужик – простой крестьянин,
Он вниманья не придал.
Как обычный христианин,
Он варил и не гадал.

И когда кулеш сварился,
Отдавая себе честь,
Наш крестьянин поклонился,
Пригласил цыгана есть.

Ну, цыган не отказался
От такого кулеша,
А сам все больше расхвалился,
Что уха так хороша.

«Будешь есть и не наешься.
Той ухи там хватит всем,
А рыбы просто ты объешься,
Ты ее не съешь совсем.

Только соли маловато.
У тебя излишек есть?»
«Да соль-то есть, в запас когда-то
Я решил ее принести,

Чтоб сенца, где сыровато,
Подсолить от порчи чуть,

Чтоб не пахло гниловато»
«Ну, тогда пора и в путь.

Там уха пади поспела,
Вот лучку бы захватить»
«Да лук-то есть» - «Вот это дело.
Покрошить да поперчить»

И пошли мужик с цыганом,
Взяли соли, перец, лук.
А дорога-то погана,
По болоту через луг.

Через заросли густые
Без дороги шли да шли.
Впереди края пустые,
Берег, к озеру пришли.

Никого нигде не видно:
Ни костра и ни людей.
Мужику уже обидно,
И ни каких других идей.

А цыган веселый, сытый,
Мужику и говорит:
«Ну, пришли, хоть ноги сбиты,
Но ведь время не горит»

А мужик спросил цыгана:
«Где же твой котел с ухой?
Не видать нигде тагана.
Берег низкий, не сухой»

А цыган стоит, смеется:
«Ты чего, мужик, ослеп?
Тут ухи полно найдется,
Доставай скорее хлеб.

Видишь, озеро какое,
А в нем рыбы воза три.
Дело, видишь сам, такое,
Бери ложку, не смотри.

Ведь уха-то не плохая,
Наклоняйся да хлебай.
А уху не надо хаять,
Знай лишь руку нагибай.

Вот, как озеро с хлебаем,
А там и рыбки поедим.
Мы, цыгане, зря не баем,
На покосы не глядим»

Но крестьянин был не слабый,
Дал цыгану тумака.
«Сам вот в озере поплавай,
Похлебай уху пока»

Сам опять же развернулся
Да кустами заспешил.
А на свой покос вернулся,
Стал копнить, что было сил.

Сено было уж сухое.
До дождей убрать успел,
Но с цыганскою ухою
Долго парень тот потел.

В тень свалился под кусточек.
Глядь, цыган идет опять.
«Дай мне хлебушка кусочек»
«Что, опять уху хлебать?

Мне уши твоей не нужно,
А за мой крестьянский хлеб

Сено смечем мирно, дружно.
Поедим кулеш захлеб.

А потом и разойдемся,
Как на море корабли.
Может, встретимся, сойдемся
На тропе родной земли.

Но таким простым не буду,
Хоть в еде не поскуплюсь,
Но уши я не забуду
И на хитрость не куплюсь.

Ну а если хочешь кушать,
Не желаешь голодать,
То меня ты должен слушать,
И мне должное отдать.

Вилы есть, вот сено смечем,
Да на зорьку поглядим,
Время отдыха приметим,
Вот тогда и поедим.

Если сделаем, как надо,
Жинка сварит петуха.
Ужин будет, как награда.
Не цыганская уха!»

ЭКСПРОМТ

(к выборам в местные и районные советы депутатов)

Я голос отдаю за человека
Достойного вершить дела народа,
Чтоб люди жили в двадцать первом веке
В любви и дружбе, с миром год от года!

Не важно, кто ты есть:
Татарин, русский, немец.
Лишь был бы мир в народной жизни нашей,
А дома на столе не только соль и перец,
А все благополучье полной чашей!

03.2010

СЮРПРИЗЫ МАРТА

Как меняется погода,
За сюрпризом шлет сюрприз.
Март кончается, у года,
Погляди-ка, новый приз.

Этот приз совсем не нужен,
Ведь на улице весна.
Вечер снегом так завьюжил,
Что от ветра не до сна.

Постепенно ослабели
Холода, мороз отстал,
Разгулялися метели,
Снегопад бедою стал.

Дует, валит дни и ночи.
Все дороги замело.
Убирать уж нету мочи,
А вьюга воет, как на зло.

И в ходу опять лопаты.
Вдоль дорог растет сугроб.
Утонули в селах хаты.
До окон уже загреб.

Крыша стала как бы ниже,
Только чуть видна труба.
Подойдешь посмотришь ближе:
Ну не дом, а так, изба.

А пурга неделю веет,
Валит снегом без конца.
Все гудит, снежинки сеет,
Что нельзя открыть лица.

Бьет в глаза и режет щеки.
Прямо целая беда.
Потекут весной потоки,
По прибавится вода.

Ничего, пускай буранит.
Много снега, благодать.
И весны не надо ранней,
С дружной лучше совладать.

Ведь недаром говорится:
Много снега на полях,
Хлеб дружной заколосится,
Спелый ляжет в закромах.

НИЩИЕ АЛКАШИ

Живут же люди в Южино.
Живут, как нищие, давно.
Здоровье есть и сила есть.
Труда потерянная честь.

У нас в деревне чтобы жить,
То честью надо дорожить

Своей крестьянской, трудовой,
Считаться будешь деловой.

А тот, кто лишь баклуши бьет,
Да дела дома не найдет,
Тот никогда не будет сыт,
И не наладит он свой быт.

Голодной, грязной и босой
Девушка с длинною косой,
Да вот беда, что нече есть,
Давно потерянная честь.

Она готова за коктейль
С любым бродягой лечь в постель.
А самогон в стакан налит,
То жизнь ко всем чертям летит.

А дома огород зарос.
Идти не надо на покос,
Ведь все равно скотины нет.
Беда – не варится обед.

Да, скучновато стало жить,
Обеда не с чего сварить,
А во дворе ни палки дров,
В лесу же много комаров.

Хотя до леса сто шагов,
Но он с похмелья не готов.
Вот похмелиться бы, тогда
Любое дело – не беда.

Но похмелился, полежал
И за добавкой побежал.
И дома снова нету дров,
Ломают доски от дворов.

Эх, дома хлеба нет ни корки,
Не то что мяса иль икорки.
На самогонку все ушло.
Картошка с луком подошло.

По три картошки поделили,
Сколь оставалось, столь сварили.
Да маловато всем досталось,
А на посадку не осталось.

Вскопать бы огород сначала.
Нам тетя Тоня обещала
На семена немного дать,
Помочь ей грядки покапать.

А там у ней бутылка будет,
Тогда работать мы пойдем.
А так пусть сразу позабудет,
Мы без похмелья не придем.

Но ведь садить картошку надо,
А мне бутылка, как награда.
А где картошки мы возьмем?
И без картошки проживем.

Со спором все же посадили,
Тут надо тяпать, загребать,
Но похмелялись или пили,
Жуков-то некогда собрать.

Подходит осень золотая.
Тут не зевай, да соображай.
Пошли копать, от счастья тая,
Свой огородный урожай.

Но так как лето прогуляли,
То вся картошка заросла,

Жуков с нее не собирали,
Ботва вся съедена была.

Сколько уродилось, всю скопали.
Хватило лишь на ползимы,
Опять картошку покупали,
Как нищие, по новой мы.

Сидят без дров, берет тревога,
А дома холодно зимой.
В лесу по новой снегу много.
А как же дров добыть домой?

Хоть молодые, силы много,
Ходить по снегу нелегко.
Нам надо взять мешки в дорогу,
Соседи вон, не далеко.

Стемнеется, пойдем в дорогу,
Соседи ночью будут спать.
В мешки наложим мы по многу,
С дровами будем мы опять.

А по дороге следа нету.
Так и дотянем до весны,
А потеплеет ближе к лету,
Горбыль у хлева из сосны.

А он горит довольно жарко,
Березу, может, привезем.
Осинник будет, как припарка.
От комаров назем зажжем.

Так что дровишки у нас будут.
Зачем напрасно горевать?
Придет весна, опять забудут,
Да с самогонкой кайфовать.

Живут же люди в Южино,
И так живут уже давно.
Да слух еще они пускают,
Что самогонка их спасает.

В квартире холод нанесло,
Стаканчик выпьешь – и тепло.
Так до утра спокойно спишь,
И лишь к утру опять дрожишь.

Тогда ты снова повторяешь,
Тепло в груди ты нагоняешь.
Больная печень – наплевать,
Лишь было бы что выпивать.

На утро все лицо распухло.
Закончилось в бутылке бухло.
За новой надо бы пойти,
Да только деньги где найти?

Не жизнь, а просто прозябанье,
Всех пенсионных прожиганье.
И умирает не спеша,
В нем еле держится душа.

Дров нет, разрушена труба,
В квартире холод – вот судьба.
Но зиму надо пережить,
А печь никак нельзя топить.

Тогда хозяин догадался,
До электричества добрался.
Спираль нихрома накрутил
И под кроватью поместил.

Попил спиртного да и спать,
Тепло в кровати почивать.

Но вот спираль перевернулась
И к поролону прикоснулась.

Затлел, зашаил поролон.
Газ кислороду, как заслон.
Хозяин спал и не проснулся,
Он просто газом задохнулся.

Пришел бездельнику конец,
По собственной вине – мертвец.
А был здоровый, мог бы жить,
Себе и родине служить.

Но эта смерть не единична,
Я утверждаю это лично.
Зимой Наташа молодая
На праздник крепко подпитая
К подружке вечером пошла,
И заблудилась, умерла.

Замерзла прямо у забора
От выпитого перебора.
А ведь еще могла бы жить,
Но видно так тому и быть.

Другой, с горячки иль с тоски,
Он стиснул зубы, как тиски,
Нож взял и вены распустил,
И дух последний испустил.

И случаев таких немало.
От пьянки на селе, бывало,
То лезли в петли, то стрелялись,
С похмелья с жизнью расставались.

А вся беда от самогона,
От спирта грязного прогона,

От перепоя умирают,
По пьянке часто замерзают.

Работать надо, а не пить,
Да по-крестьянски снова жить.
Корову во дворе держать,
Картошку на поле сажать.

Но человек переродился,
В мышление сильно изменился,
Забыл он вилы и косу,
Комар кусается в лесу.

И не живут, а прозябают.
Вот так деревни умирают.
По новой заросли поля,
Пустеет заново земля.

Пока спиртное существует,
Поля крестьянские пустуют.
Народ деревни покидает.
Вот так деревня погибает.

А ведь могла бы процветать.
Спиртное надо пресекать,
Но никому не надо это –
Пусть умирают, скоро лето.

Живут же люди в Южино.
Больные пьющие давно.
Лейкоз, цирроз, туберкулез.
Умрут, списать, и весь вопрос.

Осталось их не так уж много.
К погосту новая дорога
У нас теперь проведена,
Им все равно судьба одна.

Помрут, схороним, закопаем.
Мы свое дело точно знаем.
Зачем их дергать да лечить?
Им все равно уж негде жить.

Пусть пьют сивуху, самогон.
Не будем делать им разгон.
Задачи как-нибудь решим,
Проблему с пьянкой разрешим.

Чем больше будут потреблять,
Тем чаще будут умирать.
Зачем возиться с ними нам?
Пусть их господь накажет сам.

Не надо только торопиться.
Само собою все решится.
Здоровым будет весь народ.
Деревня снова заживет.

ТРУДОТЕРАПИЯ

Мне семьдесят седьмой уж год идет.
Рак горла, в сердце трепыханье,
Бессонница ночами отдых не дает,
В физическом труде сбивается дыхание.

Но ночью ангел мне лечение подсказал:
Таблетки пей от гипертонии.
Но кроме этого судьбу мне подсказал:
Необходима трудотерапия.

Так прогуляйся, покидай снежок,
Да отдохни минуты три-четыре.

Встань, сделай как бы в сторону шажок,
Поставь над чуркой дров ноги по шире.

Возьми колун и подними его,
Да опусти на чурку резким взмахом.
Расколешь, не случится ничего,
Сядь, отдохни, держа ладонь под пахом.

А как начнешь нормально ты дышать,
Бери вторую чурку, ставь плотнее.
Тут с колуном не надо поспешать.
Ты чурку осмотри, прицелься по точнее.

И снова точный, крепенький удар,
Летят поленья веером от чурки.
Колоть дрова – это особый дар.
Подсохнут и горят они в печурке.

И сердцу радостно, что можешь ты колоть.
Робота получается красиво.
Как будто хлеб отрезал ты ломоть.
Расходуется с чувством, с толком сила.

И снова отдыхаешь ты сидишь,
Дыханье устанавливаешь ровно.

Вот так за день, за два уверенно, глядишь,
Дрова лежат уж кучею огромной.

И так неспешно я лечу себя,
Да трудотерапию соблюдаю.
Дрова колю с охотою, любя.
Я за своим здоровьем наблюдаю.

А сколько расколол, не рассказал.
Работу я не меряю аршином,

Но, не хвалясь, ребята, заказал,
Чтоб привезли четвертую машину.

Таблетки, да, без них не обойтись,
А чтобы печь хозяйюшка топила,
И чтоб по улице пусть с палочкой пройтись,
Нужна, ребята, трудотерапия!

ПРОКЛЯТЫЙ ЛОГ

(Повествование.

Памяти моего племянника Евгения Юрьевича Пикова.)

Пересекал деревню старый лог,
По берегам строения стояли.
Через него в проулок поперек
Дорожку люди протоптали.

По ней ходили вечером и днем.
Зимой была катушка ледяная,
И если ночью кто-то шел с огнем,
Катились равновесье сохраняя.

Какие тайны тот ложок хранил,
Никто не знает, но, как совпадение,
Не одного он человека схоронил.
Смерть в том логу была на удивление.

В семидесятом на седьмое ноября
Мужчина молодой шел, поскользнулся.
Упал он навзничь, перевернулся,
И прожил после этого три дня.

Он при паденье сдвинул позвонки.
Врачи не в силах были их поправить.

Не зря горят ночами огоньки,
То смотрит смерть, кого в могилу сплавить.

На той же горке жил один мужик,
Работал трактористом без отказа,
Поэтому и к выпивке привык.
Он сено частнику возил, как по заказу.

И, как обычно, за доставку сена
Хозяин тракториста угощал,
Бутылка водки или пиво с пеной –
Так под закуску парня привечал.

И вот после очередного угощения
Наш тракторист направился домой,
Но по дороге для удовлетворенья
Колгановой добавил по прямой.

А до ложка дошел, закувыркался,
Хотел подняться – не хватило сил.
Он в том ложке немного покатался,
И смерти он от болей попросил.

А Леня водовоз, возил он воду,
И так же по заказу по домам.
За что, как плату, получал в угоду
То кружку браги или же сто грамм.

Хозяйки ему часто наливали.
Пил, в общем, Леня каждый божий день.
Да дни, конечно, всякие бывали,
Но воду подвозить ему не лень.

И вот сначала печень заболела,
Потом сердечко часто стало ныть.
Жена его предупредить хотела,
Но Леня продолжал, как прежде пить.

И вот, однажды, ехал на обед.
Его сердечко, как и прежде, билось,
Но только съехал он в ложок всех бед,
И сердце вдруг остановилось.

Его лошадка тут же встала,
Она почувствовала свободу,
Травы немного пощипала,
Да попила из лужи воду.

Не часто люди по ложку ходили,
Ну, видят, ходит лошадь запряжена.
Внимания никто не обратили,
Одна жена немного напряженна.

Мужик приехать должен на обед.
Вот время вечер, а его все нет,
И, чтоб момент такой не упускать,
Она сама пошла его искать.

Хозяйка долго не искала,
Она-то лошадь его знала.
Глядит, мужик ее сидит,
Спокойно так, как будто спит.

Опять виной проклятый лог.
Поднялся тут переполох,
Что умер Леня водовоз,
До дома воду не довез.

Что ж, Леню тихо схоронили.
На время люди позабыли,
Что смерть несет проклятый лог,
Но кто о том подумать мог.

А по логу бродила смерть.
Да, не дано ее смотреть.

Она не к каждому идет,
Но нет-нет, да и подберет.

В тихую просто подойдет,
И жертву если уж найдет,
То не упустит никогда,
Но забирала не всегда.

Иных она не замечала,
Других живыми оставляла.
Вот так ее не замечали,
А мертвых просто забывали.

Так, летней ночью темноватой
Племянник шел слегка поддатый,
И только он в ложок спустился,
На миг всего остановился.

Хотел попить водицы он,
Но сердца стук, раздался стон,
Дыхание перехватило –
И вот заказывай могилу.

Без муки смерть его взяла
И жизни больше не дала,
А был он молодой совсем,
Ему всего-то сорок семь.

Он был танкистом, трактористом,
Пахал, и сеял, и косил.
Был простаком и оптимистом,
Работал не жалея сил.

Из братьев он один остался.
Хотел жениться – не успел,
И женщине он не достался.
Свою он песню не допел.

Так вот ни с кем не повстречался,
Хозяйство вел, не бедовал.
И вот со смертью обвенчался.
А людям сколь добра давал.

И люди им довольны были,
Когда он делал им добро,
Они его благодарили,
Но он не брал и серебро.

Таким был добрым человеком,
А умер сорока семи,
И с новым двадцать первым веком
Он не завел себе семьи.

Ну что ж, прощай племянник Женя,
Твою я песню допою.
И пусть душа твоя не вжженье,
Всегда покоится в раю.

Она заслуживает это,
Ты добрым был в своей судьбе.
И память добрую при этом
Народ оставит о тебе.

Пусть эта память будет вечной
В народе помнится всегда
Простой, заслуженной, сердечной,
И не померкнет никогда.

А мы тебе свечу поставим
За упокой твоей души.
И в забвенье мы не оставим.
Покойся с господом в тиши.

Ну вот тебе и 45,
Как быстро годы мчатся,
Но без причины нам опять,
Не стоит огорчаться!
Сыну Олегу

Я от скуки на все руки
Я и плотник и печник
Заливаю водкой муки
Я ж работать не привык.
Ну а так, я все умею.
От работы просто млею.
Только вот одна беда,
Запиваю иногда.

А еще терплю я муки,
У меня косые руки!
Я уже и так и сяк
Все идет на искосак.

СОДЕРЖАНИЕ:

За несколько дней до смерти	4
Мед и змея	8
Медведь (сказка)	10
О жизни	29
Трудовушка	29
Подвиг солдата	31
Сталинградская битва (эпопея)	32
Праздничный обед	38
Чеснок	40
Распатанный стул	40
Зима 2010	42
На рыбалке	44
Врун (байка)	45
Грипп	50
Пожелание внучке Насте Дьячковой	52
Пожелание сыну	53
Хорош мороз	54
На закате жизни	55
Женись, сын	58
Груз 200	61
Цыганская уха (байка)	63
Экспромт	67
Сюрпризы марта	68
Нищие алкаши	69
Трудотерапия	76
Проклятый лог	78
Ну вот тебе и 45	87
Я от скуки на все руки	87

ДЬЯЧКОВ
Михаил Иванович

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ
Рассказы и стихотворения